

Содержание

Предисловие	5
Глава 1. Становление лингвистической теории	7
1.1. Взгляды на язык античных философов	7
1.1.1. Платон (427—347 гг. до н.э.). Язык — средство выражения представлений о вещах с помощью истинных и ложных имён	9
1.1.2. Аристотель (384—322 гг. до н.э.). Категории сознания и языка. Логическое и грамматическое учение	16
1.1.3. Секст Эмпирик (200—250). Роль языка в познании и знаковые отношения	22
1.2. Религиозные воззрения на язык в Средневековье	29
1.2.1. Учение о логосе	30
1.2.2. Августин Аврелий (Блаженный) (354—430). Язык как средство богопознания через толкование библейских текстов	32
1.3. Язык как инструмент познания в эпоху эмпиризма и рационализма	44
1.3.1. Томас Гоббс (1588—1679). Язык как способ познания и средство изложения знаний, обусловленных природой вещей и субъективностью говорящего	46
1.3.2. Джон Локк (1632—1704). Реальная и номинальная сущность субстанции. Роль языка в формировании простых и сложных идей	55
1.3.3. Готфрид Вильгельм Лейбниц (1646—1716). Границы вербального познания. Язык как средство формирования и передачи мыслей и как инструмент обучения идеям	67
1.3.4. Антуан Арно (1612—1694), Клод Лансло (1616—1695), Пьер Николь (1625—1695). Логические и рациональные основы языка	77
1.3.5. Этьен Бонно де Кондильяк (1714—1780). Классификация предметов действительности по аналогии и способу их вербального выражения	82

Глава 2. Теоретические основы общего языкознания	90
2.1. Вильгельм фон Гумбольдт (1767—1835). Взаимодействие языка и мысли. Путь к антропоцентрической лингвистике	90
2.2. Михаил Андреевич Тулов (1814—1882). Опосредованность мысли языком и влияние логического мышления на язык. Язык — орган умственного развития человека	111
2.3. Александр Афанасьевич Потебня (1835—1891). Язык как философско-лингвистический феномен	118
2.4. Дмитрий Николаевич Овсянко-Куликовский (1853—1920). Язык как психолого-филологический и синтаксический объект исследования	126
2.5. Иван Александрович Бодуэн де Куртенэ (1845—1929). Языкознание — индуктивная психически-историческая и социальная наука	143
2.6. Николай Вячеславович Крушевский (1851—1887). Язык — приблизительный субститут мысли. Ассоциации слов по сходству и по смежности	161
2.7. Филипп Фёдорович Фортунатов (1848—1914). Язык как явление мысли и как средство выражения мыслей и чувств в речи	177
2.8. Алексей Александрович Шахматов (1864—1920). Синтаксис как учение о способах обнаружения мысли в речи	188
Глава 3. Лингвистический структурализм	203
3.1. Фердинанд де Соссюр (1857—1913). Язык как система. Структурная организация языка	203
3.2. Гюстав Гийом (1883—1960). О принципах построения теоретической лингвистики	215
Глава 4. Проблемы теории языка в постструктурном пространстве. Лингвистический когнитивизм	230
4.1. Владимир Андреевич Звегинцев (1910—1988). Лингвистика — часть когнитологии, изучающей мыслительную деятельность человека	230
Литература	253

ПРЕДИСЛОВИЕ

В настоящем учебном издании феномен языка представлен в перспективе различных взглядов, концепций, теорий в разные исторические периоды развития лингвистической мысли. Обучающийся должен пробиться сквозь многочисленные, иногда противоречивые философские и лингвистические концепции языка, чтобы уяснить, что представляет собой язык на самом деле как средство познания и общения. Для того чтобы не утонуть в концепциональном океане, следует научиться не смешивать логику языкового сознания и речевого мышления с логикой рационального представления языкового феномена. Спасательный круг — это ясное понимание того, что любая ментальная модель, претендующая на толкование языка как строгой или, наоборот, ущербной системы, это всего лишь очередная мыслеформа, не охватывающая язык в его многообразии и многофункциональности. Трудно научиться не подменять языковой объект операционной единицей анализа, не привносить в видение языка «что-то» от самого метода. Но к этому нужно стремиться. Для этого достаточно придерживаться элементарных методологических аксиом и отказаться от некоторых стереотипов научного, рационального мышления, а именно перестать приписывать языку отражательную функцию, отождествляя его тем самым с сознанием; отказаться от представления языка как одежды, в которую переодевается мысль; постараться понять, что нет языка и речи в «чистом виде» вне интегративных процессов объективации и репрезентации мысли, вне человека-субъекта. Очевидно, что непомерное подведение языковых явлений под многочисленные «лингвистические закономерности», навязывание языку чуждых ему категорий, приписывание обозначаемого с помощью языка природе самого языка, а также разложение языкового целого на произвольные части — это планомерное умерщвление языка. Наконец, необходимо аккуратно относиться к метаязыку изложения, хотя бы уяснить для начала, что «называть», «обо-

значать» и «выражать» — это разные акты речемыслительной деятельности человека.

Начиная с античного времени до наших дней и в философии, и в лингвистике языку отводилась ведущая роль в процессе познания человеком окружающего мира, самопознания, мыслетворчества. Основные проблемы, вокруг которых велись и ведутся дискуссии, сводятся к следующим: язык — средство общения, обучения, приобщения к знанию; система произвольных, значимых, смысловых знаков, символов опыта и воображения; способ формирования, дефиниции, интерпретации, каталогизации, хранения, кодирования теоретических знаний; инструмент для обозначения мыслительных понятий и эмоциональных состояний человека; материально-идеальная база мыслительных процессов; связующее звено между идеей и действительностью; способ осознания и генератор мысли, фактор понимания; средство самовыражения, побуждения к действию, магического воздействия; источник формотворческой активности субъекта; основа для примитивного и креативного познания и т.д. Все эти проблемы представлены в настоящем издании для размышления и нетривиального обсуждения. Содержание учебника основывается частично на предыдущих монографических и учебных пособиях автора (см.: 48; 49; 50). Однако его главная композиционная и идейная составляющая представлены впервые. Учебник структурирован следующим образом: 1) формулировка основного раздела с указанием темы и исторического этапа развития лингвистики; 2) определение главной темы; 3) краткая авторская справка; 4) авторские подходы к решению лингвофилософских и/или собственно лингвистических проблем с формулировкой основных положений; 5) вопросы для самоподготовки.

ГЛАВА 1. СТАНОВЛЕНИЕ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ

1.1. Взгляды на язык античных философов

В Древней Греции язык рассматривался в связи с решением познавательных-философских, педагогических и ораторских задач. Основное внимание уделялось определению способов взаимодействия языка и мысли, в частности соответствию между логическими и грамматическими категориями, соотношению имени с вещью. Именно вокруг проблемы согласования имени с вещью разворачивается спор между фюзикистами и тезистами. Первые утверждают, что характер имён определяется природой вещей (*physei* — по природе); вторые отстаивают мнение, что имя соотносено с вещью по условному соглашению, конвенционально (*thesei* — по установлению).

Согласно **Гераклиту Эфесскому** (540—480 гг. до н.э.) имя, называя вещь, фиксирует её сущность, её природу. Имя — тень вещи, её копия.

Демокрит из Абдеры (460—370 гг. до н.э.) считал, что имя соотносится с вещью по договорённости и привычке людей и не связано с природой вещи. Об этом свидетельствует тот факт, что у слов-имён имеется несколько значений, потому что они называют не одну вещь, а множество вещей. Кроме того, некоторые вещи могут иметь несколько наименований, а это противоречит природному характеру языка. Связь имени и вещи временна. Названия вещей могут меняться. К тому же не все представления о вещах имеют собственные названия.

«Интерес к языку, очень рано проявленный греческими мыслителями, был исключительно философским. Они скорее задумывались о первоначальном происхождении языка — возник ли он от природы или по установлению, — чем изучали его функционирование. ...Язык оставался объектом философского умозрения, а не объектом наблюдения» (11, 22).

«Признавалось существование различных способов “природной”, естественной связи между формой и значением слова. Прежде всего слова относительно небольшой группы (такие, как *блеять*, *мычать*, *мяукать*, *ухать*, *бренчать*) в той или иной степени имитируют звуки, характерные для обозначаемых ими явлений. К другой (родственной первой) группе относятся слова, также имитирующие определённые звуки, но обозначающие не сам звук, а его источник (ср.: *кукушка*). И в том и в другом случае между материальной оболочкой слова и обозначаемым явлением или предметом существует очевидная природная связь. Слова обеих групп были названы (и называются поныне) *ономатопозтическими* — от греческого *onomatopoeia*. Это греческое слово означало ‘создание имён’, и тот факт, что под данное понятие подводились только слова, имитирующие звуки» (27, 24).

«Платон различает слово и предложение (“самую маленькую речь”). Высказывание рассматривается как сложное целое, служащее словесному выражению суждения. Впервые разграничиваются два его компонента — субъект и предикат (словесные их выражения — *onoma* и *rhema*). Logos понимается как словесное выражение суждения, т.е. как предложение. Разграничиваются имена и глаголы. Но вместе с тем отождествляются звуки и буквы, и это отождествление проходит через всю историю лингвистической мысли вплоть до XX в. Платон признаёт звуковые изменения в слове. Он предпринимает первые и ещё элементарные попытки классификации звуков (безгласные, беззвучные, средние, т.е. безгласные, но не

беззвучные). Слог представляется ему единым целым. Слоги делятся на острые / высокие, т.е. ударные, и тяжёлые / низкие, т.е. неударные» (42, 64—65).

1.1.1. Платон (427—347 гг. до н.э.).

Язык — средство выражения представлений о вещах с помощью истинных и ложных имён

Платон — древнегреческий философ, родоначальник дефинитивной философии; ближайший ученик Сократа. Подлинное имя — Аристокл. Платон — прозвище, которое Аристокл, по преданию, получил от Сократа (ср.: греч. *platus* — полный, широкоплечий). Изобрёл будильник, в котором впервые применил принцип реле в гидравлике. Основатель собственной школы — Академии (ср.: Академ — афинский герой), в которой велись беседы «сократовского типа» (включение в вопрос, требующий утвердительного ответа, готового определения, содержащего в себе скрытое противоречие), проводились диспуты, читались лекции. Положил начало учению об идеях как первообразах, на которых строится вещный мир. Отсюда противопоставление духа телу и предпочтение первого последнему. Тело подвижно изнутри, потому что одушевлено. Вещь не одушевлена, поэтому подвижна извне. Душа находится в плену у тела, поэтому всякий раз обманывается по его вине. Душа через глаза изливает мягкое свечение, аналогичное дневному свету, — подобное устремляется к подобному. Тело преходяще, душа вечна. «Душа наша существовала до того, как мы родились». Она обладает способностью мыслить. Душа продолжает жить после физической смерти тела. Любить следует вечное и неизменное — душу и идею (ср.: «платоническая любовь»), а не тело и вещь. Тело не достойно любви, потому что оно тленно. Отсюда аскетическое отношение к страстям, связанным с телесными и вещными благами, ср.: «Страсть — приманка зла». Идея блага — это стремление к истине. Истина относится к сфере знания — знания теоретического, а

не практического. Она проявляет себя в определении, т.е. в отношении языкового выражения к идее. Всякое знание требует однозначной дефиниции в виде простого или сложно-го наименования. Знание должно быть логически правильно сформулировано. Поскольку душа бессмертна и памятьлива, то процесс познания — это припоминание виденного в потусторонней жизни. Не следует забывать, что «без смешного нельзя познать серьёзного и, вообще, противоположное познаётся с помощью противоположного» (44, 118).

Платон, ближайший ученик Сократа, говорящий его устами в диалоге «Кратил» (33), развивая и дополняя взгляды предшественников, обосновал следующие лингвофилософские взгляды на язык.

1. Вещи сходны с идеями. Сущность вещи пребывает как в самой вещи, так и в её идее.

Согласно Платону идеи являются образцами вещей. Они пребывают в природе. Вещи сходны с идеями. Причастность вещи к идее — это уподобление вещи идее. Идея вечна. Творец вселенной матрицирует вещный мир в соответствии с идеями. Вещи и явления произошли благодаря соединению идей. Идеи слагаются одна с другой, как слова из букв. Вещи получают свои имена в силу причастности к идеям.

2. Познание с помощью и без помощи имён — это поиск человеком сущности вещи в ней самой или в представлении о ней.

Проблемы познания рассматриваются Платоном в перспективе отношения человека к вещи и к представлению об этой вещи. Философа интересуют следующие вопросы: 1) разумно ли полагать, что сущность вещи заключена в представлении? 2) является ли мерой вещи сам человек? 3) можно ли считать правильным мнение о том, что сущность вещи находится в ней самой? 4) если люди имеют разные представления о вещи, будут ли все эти представления истинными? 5) какова природа

действия, которому подвергается вещь? б) должно ли быть действие согласовано с представлением субъекта или с природой вещи-объекта? («Как надо резать и подвергаться разрезанию?») (33, 617).

Следует заметить, что учитель Платона Сократ склонен был считать, «что сами вещи имеют некую собственную устойчивую сущность безотносительно к нам и независимо от нас» (33, 617).

Когда человек делит вещи на хорошие и плохие, он оценивает соответствующим образом и свои представления об этих вещах. Обычно оценка представляет суть отношения, которое устанавливает субъект между вещами (это отношение сравнения).

По своей природе познание бывает не только словесным. В этой связи Платон задаёт вопрос: чем отличается познание вещи с помощью языка (посредством имени) от познания вещи без помощи имени. Вопрос сформулирован следующим образом: насколько полно мы постигаем вещи с помощью имён, ср.: «Когда кто-то знает имя, каково оно, — а оно таково же, как вещь, — то он будет знать и вещь, если только она оказывается подобной имени?» (33, 675) А если вещь оказывается не подобной имени или имя не соответствует идее этой вещи? Ответ однозначен: человек, постигающий вещь с помощью такого имени, не сможет познать эту вещь.

3. Имена вещей следует подразделять на истинные и ложные.

Имена, созданные творцом (ономатотэтом), являются истинными, правильными. К ложным именам следует относить имена, используемые человеком не в соответствии с установленным правилом.

Познавательный процесс по Платону хорошо просматривается в перспективе триады «Человек — Имя вещи — Вещь» с чётко определёнными векторами, ср.:

Рис. 1. Триада: человек — имя вещи — вещь

где 1 (человек — имя вещи) — отношение человека-номинатора к имени; 2 (человек — вещь) — отношение человека к вещи без помощи имени; 3 (имя вещи — вещь) — отношение имени к вещи; 1—3 (человек — имя вещи — вещь) — это отношение человека к вещи посредством имени: выбор и использование имени для называния и обозначения вещи. Этому отношению соответствует точка зрения одного из участников дискуссии в диалоге «Кратил» — Гермогена: Правильность, истинность имени определяется её отношением к вещи (3), которое уже установлено законодателем и которое человек использует по обычаю или по привычке в соответствии с правилом первоначального соотношения.

Истинность / ложность имени зависит от решения вопроса, как человек именуется вещь. Если он именует её в соответствии с общепризнанным, «законодательно» принятым соотношением, то имя следует считать правильным, истинным. Если же в акте наименования он отклоняется от общепринятого правила, то данное имя следует считать неистинным, ложным.

Если Кратил говорит об истинности / ложности наименования и соответственно имени, то другой участник диалога Гермоген ведёт речь об истинности / ложности обозначения.

4. Имя, изречённое человеком, часто содержит лишь приблизительное представление об обозначаемой вещи.

Имя как некое изображение предмета не обязательно должно воссоздавать качества и свойства, присущие этому предмету. Имя — не точная копия предмета и может быть приблизитель-

ным хотя бы потому, что им пользуется не сам законодатель и не учитель, а простой человек. Таким образом, тождество не является полным соответствием образа вещи (значения) и самой вещи по принципу «один к одному», ср.: «Можно выражать вещи с помощью подобного, так и с помощью неподобного» (33, 12). Подобными можно назвать первичные, или старые, имена как более правильные наименования, так как они были созданы «законодателем». В ранг неподобных имён попадают наименования «менее правильные», которые, по-видимому, не могут указывать на все качества именуемой вещи. Сущность вещи скрыта, таким образом, в первоначальном значении имени. Так как вторичные, производные, «неправильные» имена не являются полностью тождественными именуемым вещам, вряд ли приходится всегда говорить вслед за Платоном о правильности, истинности соотношения имён и вещей.

5. С помощью имён люди передают друг другу знания, обозначая вещи в соответствии с их природой и способом существования.

Устами Сократа Платон называет имя орудием, с помощью которого люди учат друг друга и определяют вещи соответственно способу их существования. С помощью имён один человек сообщает другому какую-то информацию о вещи. В этом случае имя выступает в роли инструмента обучения. Используя имена в речи, комбинируя и слагая их, человек создаёт определённую картину мира, моделирует мир, «матрицирует» его. Это и есть распределение сущностей. Осуществляя номинативную деятельность, человек не только фиксирует готовые и известные знания, но и формирует в известной мере новые знания.

Знание доступно благодаря простому или сложному наименованию. К простым именам следует отнести первоначальные имена, созданные творцом и мотивированные именуемой вещью. Сложные имена — это комбинации простых имён в речи.

6. Инструмент познания должен соответствовать природе вещи.

Как вытекает из диалога, любой инструмент должен учитывать природу материала, с которым он соприкасается. Кроме того, само «имя есть какое-то орудие». В дискуссии Сократа со своими учениками вырисовывается следующая аналогия: Язык — сверло. Язык — челнок. Если перенестись в современную лингвистику и соответственно предположить, что имеется тождество между языком-инструментом и именуемым предметом-объектом, мы выйдем на связь звукоподражательных слов и обозначаемых с их помощью предметов. Если войти в проблему ещё глубже, то приходим к выводу: значение слова как языковое представление предмета содержит в себе сведения о признаках и свойствах предмета. Признаки и свойства предмета человек выявил из отношений этого предмета к самому себе или к другим предметам.

Как челнок-инструмент создаётся по образцу, так и имя создаётся по образцу другого имени, но в согласии с природой обозначаемой вещи. Назначение челнока — соответствовать природе материала (мягкости, твёрдости нитей). Кроме того, челнок придаёт изделию (ткани) «не какой угодно образ, но такой, какой назначен природой». Таким образом, создаваемое изделие зависит от инструмента (челнока) и от материала (нити).

7. Речь — это действие, которое согласуется или с природой вещей, или с представлениями говорящего.

Платон рассматривает речь как действие. «А говорить — не есть ли одно из действий?» (33, 617) Говорение немислимо без определённых актов наименования, ср.: «Давать имена тоже есть некое действие» (33, 618).

Если наименование осуществляется также в соответствии с природой вещи, то это не что иное, как «распределение вещей соответственно способу их существования». Правильное распределение сущностей с помощью имени подвластно лишь мастеру-учителю. Только он может хорошо пользоваться сло-

вом. Человек, не владеющий этим искусством, т.е. искусством правильной речи (наименования и распределения), может исказить истину.

8. Установление тождества между именем, с одной стороны, и представлением вещи, с другой стороны, — это процедура уподобления, результатом которой может стать как полное, так и неполное (приблизительное) тождество.

Для Платона полное тождество — это «одно и то же», т.е. А есть А. Решая проблему, является ли имя точной копией обозначаемого предмета, Платон приходит к выводу, что тождество между ними не может быть полным, потому что имена приблизительны, поскольку они стали использоваться людьми произвольно, т.е. не в соответствии с правилами, которые установил «законодатель». Полное тождество встречается не так часто.

Однако «можно выражать вещи с помощью подобного, так и с помощью неподобного», т.е. по принципу $A = B$. Таким образом, акт наименования можно понимать как целенаправленное, субъектно обусловленное *уподобление* имени и вещи. Только благодаря тождеству мы можем в таком случае изучать вещи с помощью имён, хотя не исключается изучение вещей и без обращения к их именам. Очевидно, что познание вещи с помощью имени может осуществляться двумя путями — посредством подобных и неподобных имён. Имя в отличие, например, от рисунка не подобно вещи (А есть Б).

ЗАДАНИЯ ДЛЯ САМОПОДГОТОВКИ

1. В чём суть спора между фюзикалистами и тезеистами?
2. Изложите учение Платона об идеях как первообразах, первоначалах мира.
3. Дайте определение познания по Платону.
4. Является ли наше представление о вещи сутью вещи? Является ли мерой вещи сам человек? Или суть вещи в ней самой?

5. Оценка вещи (хороший — плохой) суть вещи или суть нашего представления?
6. Являются ли разные представления о вещи истинными?
7. Является ли одно и то же представление о вещи разными людьми ложным?
8. С чем согласовано действие субъекта — с представлением субъекта или с природой вещи?
9. Изложите учение Платона об истинности и ложности имён.
10. Почему имя не точная, а приблизительная копия предмета?
11. Почему имя рассматривается Сократом (в устах Платона) как орудие обучения и распределения сущностей?
12. Как вы понимаете следующее положение Платона:
Знание доступно благодаря простому или сложному наименованию?
13. Почему инструмент познания должен соответствовать природе вещи?
14. Чему должен соответствовать язык как инструмент познания?
15. Чем отличается познание вещи с помощью языка (средством имени) от познания вещи без помощи имени?
16. Что вкладывал Платон в понятие тождества?

1.1.2. Аристотель (384—322 гг. до н.э.).

Категории сознания и языка.

Логическое и грамматическое учение

Аристотель — древнегреческий философ, создатель учения о метафизике. Ученик Платона, но не его последователь (ср.: «Платон мне друг, но истина — ещё больший друг»). Воспитатель 13-летнего Александра Македонского. Основатель Перипатетической философской школы (ср.: греч. *peripatos* — крытая галерея), своего рода академии наук, в которой системно разрабатывались все области знания, связанные с миром и жизнедеятельностью человека. Был чужд аскетическому образу жизни.

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru